

Сталин: когда завоюете господство в воздухе

Сергей Игнатьевич РУДЕНКО
Командующий 16-й воздушной армией, генерал-лейтенант авиации, впоследствии маршал авиации.

Рассказывают творцы победы на Курской дуге

В 5 часов 30 минут, с опозданием на два с половиной часа, противник начал наступление. Тут же над полем боя появилась его авиация. Группы (по 50 - 100 самолетов в каждой) накатывались волнами. На оборонительные рубежи наших войск, на позиции артиллерии посыпались фугасные бомбы. Вступили в бой наши истребители. В небе, то и дело перечерчиваемом дымными трассами горящих самолетов, закружилась карусель... В 9 часов 30 минут окончательно прояснилось, что главные силы враг бросил на Ольховатку и Поньри.

НАД Курской дугой разгорелось около 200 очагов воздушных боев, в ходе которых было сбито 260 самолетов противника. Летчики нашей армии уничтожили за этот день 106 фашистских бомбардировщиков и истребителей, сожгли 65 танков.

Я был свидетелем многих воздушных боев, но такого упорства, такой стремительности, такого мужества в борьбе раньше мне не приходилось видеть.

В первый день сражения славный подвиг совершил летчик 1 -й гвардейской истребительной авиационной дивизии Виталий Поляков. Вступив в бой с большой группой немецких самолетов, он первой же очередью сразил один истребитель. Бой достиг своей кульминации. Летчики выписывали в небе сложнейшие пилотажные фигуры, заставляя моторы работать на пределе. В этой схватке самолет Полякова был подожжен. Свою пылающую, но не потерявшую управления машину он направил на вражескую. Главное - уничтожить фашиста своим самолетом-факелом. Поляков отрубил стервятнику крыло, и тот упал на землю. Только после этого советский летчик выбросился на парашюте из горящего Яка. Вскоре он прибыл в свою часть. Крылатому богатырю Полякову было присвоено звание Героя Советского Союза.

С самого начала сражения на курском направлении немецким хваленным танкам "Тигр" и "Пантера", самоходным орудийным установкам "Фердинанд" советские летчики-штурмовики противопоставили огневую мощь Илов, снабженных ПТАБ. Первым сбросил их на танковую колонну Герой Советского Союза майор В. Голубев. И сразу мы убедились в том, какое грозное оружие получили штурмовики. Весила бомба 1,5-2,5 кг, падая на броню танка, она не отскакивала, а как бы прилипала к ней. Направленным кумулятивным взрывом насквозь прожигалась броня "Тигров" и "Пантер", и те загорались.

За сокрушительные удары по врагу на Курской дуге майор В. Голубев был удостоен второй Золотой Звезды Героя и стал первым дважды героем в нашей воздушной армии.

Когда наступила темнота, я докладывал командующему Центральным фронтом итоги дня. Указал, сколько сбитых самолетов противника, подчеркнул, что бой был жестокий. Вдруг раздается телефонный звонок. Генералу армии К. К. Рокоссовскому позвонил И. В. Сталин. В течение дня

он несколько раз звонил, но я не присутствовал при их разговорах. А на этот раз слышал все. Рокоссовский стал докладывать итоги дня. Сталин перебил его: "Завоевали господство в воздухе или нет?" Это его интересовало в первую очередь. Рокоссовский докладывал: "Товарищ Сталин сказать нельзя, был очень сильный напряженный бой в воздухе, крупные потери с обеих сторон". Сталин в ответ: "Скажите мне точно, завоевали или нет? Да или нет?" Рокоссовский опять говорит: "Пока определенно ответить нельзя, но завтра этот вопрос решим положительно. Руденко справится с этим делом?" Рокоссовский посмотрел на меня и после короткой паузы ответил: "Справится".

После доклада я предложил изменить тактику действий ударной авиации. Целесообразнее наносить удар по группировке врага крупными силами, с целью решительного воздействия на противника. Массирование позволит подавить систему ПВО противника, снизить наши потери. Мы причиним не только большой материальный ущерб врагу, но и окажем сильное моральное воздействие на его войска. Мои доводы убедили Рокоссовского.

Заходит маршал Жуков и говорит: "Звонил Сталин, и его первый вопрос о господстве в воздухе. Что вы думаете?"

Воздушные бои, объяснил я, показали, что наш замысел применения истребителей правилен. Но у противника крупные силы, и сразу их не уничтожишь. Маневр вражеской авиации в ходе сражения немедленно вызвал контрманевр с нашей стороны. В воздух поднимались мощные группы истребителей. Командиры энергично управляли их действиями и своевременно наращивали силы. А вот бомбардировщикам и штурмовикам следует атаковать врага более крупными группами. Жуков и Рокоссовский согласились с этим...

Уже идет первый час, в три рассвет, мне нужно организовать эти массированные удары. Тем более я сам предложил первый такой удар нанести перед началом наступления противника в районе Подольня, Сабаровка, Бутырки и направить туда не менее полтысячи самолетов.

В частях, конечно, еще "залечивают дневные раны". Надо, чтобы штаб немедленно установил, сколько исправных самолетов в бомбардировочных и штурмовых полках. Кроме того, придется отказаться от ставших привычными личных встреч командиров эскадрилий для уточнения взаимодействия. Когда же это сделать, если участвует 500-600 самолетов. Потребуется несколько суток, а остается всего три часа. Практика, верная для мелких ударов, для массированного не годилась. Пришлось отказаться и от сбора самолетов в воздухе. Он так же требует много времени на подготовку и выполнение. Лучше идти самостоятельными полковыми колоннами. Тут надо было все предусмотреть в решении командарма, а командиры корпусов, дивизий, полков, эскадрилий должны проявить настойчивость и умение, чтобы выполнить решение, следовательно, и боевую задачу.

Пока доехал до штаба, все это обдумал. Вхожу в землянку, мне докладывают: прибыл первый заместитель командующего ВВС Красной Армии генерал-полковник авиации Ворожейкин. Я спрашиваю: "Откуда?" "Из Москвы на По-2". Оказывается, после разговора с Рокоссовским Сталин вызвал Г. А. Ворожейкина и приказал: "Ле-

тите сейчас же в штаб 16-й воздушной армии к Руденко и там посмотрите, правильно ли они все делают. И чтобы завтра господство в воздухе было завоевано. А то они что-то там долго возятся".

Вылетел он на По-2 для того, чтобы произвести посадку прямо у штаба воздушной армии и не терять времени на переезды. Я доложил ему о решении массировать удары.

Он одобрил идею: "Действуйте, как задумали, а я поеду в штаб фронта к маршалу Жукову. Мне нужно явиться к нему. Сталин, очевидно, и ему звонил". Ворожейкин уехал.

Чтобы обеспечить взаимодействие крупных сил в воздухе, мы решили пустить бомбардировщики на одной высоте 2000 метров и дать им цель в одном районе. В том же районе назначили цель для штурмовиков. Время удара установили для них общее.

Принимая это решение, мы учитывали психологию летчика: если ему указывают эшелон, то он считает, что на этот эшелон никто не имеет права заходить. Из-за этой уверенности появляется возможность столкновений. Но если летчику сказать, что на том же эшелоне и по тому же маршруту, что и он, идут еще четыре полка, у него "везде глаза будут" - и спереди, и сзади, и сбоку. Никто не допустит, чтобы в его колонну кто-то врезался.

Отдав все распоряжения и не послав ни минуты, с трепетом душевным я опять сел в машину и - на передний край. Как получится первый удар? Собрали мы 600 самолетов.

Наступает время удара - 5 часов утра. У меня сердце все сильнее колотится. Вижу - появляются первые бомбардировщики, рядом с ними маневрируют истребители прикрытия, ниже идут штурмовики с истребителями, они тоже на месте, полнейший порядок, никто никому не мешает. Сотни самолетов в боевых порядках, как один, делают развороты, маневрируют. Незабываемая по красоте картина! Как ударят?

Летчики, получив еще на подходе к целям с бортов самолетов-доразведчиков их координаты, обрушили на изготовившиеся к наступлению вражеские войска и технику сотни тонн противотанковых, осколочных и фугасных бомб. Удар был мощным, неожиданным для противника. В его расположении стали появляться дымки. Один, два, три, пять, десять, пятнадцать. Это горели "Тигры" и "Пантеры". Наши бойцы из окопов выскочили, несмотря на опасность, пилотки кидают вверх и кричат: "Ура!" Стоят на брустверах, любуются тем, что делают летчики. Всеобщий подъем охватил наших воинов на передовой, а девятки делают заход за заходом, ниже пикируют с круга штурмовики. Несмолкающий гул разрывов бомб. И странно - очень мало разрывов зенитных снарядов противника, нет падающих дымящихся самолетов, не видно "Мессеров" и "Фокке-вульфов". Их связали боем наши "ястребки" окаймления далеко от места нанесения удара. Мы слышим по радио короткие команды. Один за другим уходят полки. Налет длился ровно час.

Зазвонил телефон. Послышался голос генерала армии Рокоссовского: "Вот это правильно! Вот это молодцы!"

По существу, в нашей воздушной армии это был первый случай, когда 600 самолетов действовали по небольшому участку фронта.

Доброе начало требовало продолжения. Через три часа нам предстояло обрушить на врага второй удар. Мы уже готовились к нему. Воздушные разведчики обнаружили новые важные цели.

В семь часов звонит Рокоссовский и спрашивает:

- Когда наметили произвести очередной налет?

- Через два часа. Немцы ведь пока не наступают. Никак не придут в себя.

- Вот, - говорит, - и нужно их добивать. Что, у тебя больше ничего нет?

- В готовности штурмовая дивизия. Держу ее для поддержки войск, если противник начнет наступать.

- Есть дивизия? - переспрашивает командующий и приказывает: - Повторяй налет.

Так и сделали. Гитлеровцы начали наступать только в десятом часу утра. В это время на них снова навалились 600 самолетов. Теперь бомбардировке подверглись артиллерийские позиции и резервы противника.

Второй удар получился таким же мощным и эффективным, как и первый. Затем на задание вылетела бомбардировочная дивизия, предназначавшаяся для экстренных вызовов. А в заключение мы обрушили еще один удар по скоплениям войск и техники противника.

Вечером Рокоссовский сказал мне:

- Теперь я смело доложу, что мы полностью господствуем в воздухе.

Эффективные удары нашей авиации 6 июля сразу же сказались на боевых делах соединений Сухопутных войск. Атаки немецких танков и мотопехоты начали затухать. Значительно устойчивее стала оборона частей 13-й армии, не подвергавшихся теперь таким частым налетам вражеских самолетов, как в первый день операции. Правда, и 6 июля противник дважды пытался вклиниться в нашу оборону. Но наземные части, поддерживаемые с воздуха, отбили его атаки.

В целом в оборонительном сражении войска фронта контрударами не увлекались. К. К. Рокоссовский считал, что лучше разбить противника, находясь в укрытиях, ведя огонь из вырытых в землю танков и ударами артиллерии, чем выйти из траншей и драться на равных.

Мы рассчитывали, что на третий день гитлеровцы попытаются дать решающий бой в воздухе. Нам казалось, что особенной активности следует ожидать от вражеских истребителей. И я уже начал подумывать о резерве - о двух полках. Не пора ли и их ввести в бой?

Однако 7 июля над полем боя появилось значительно меньше вражеских самолетов, чем прежде. Да и вели себя фашистские летчики довольно неуверенно. Видимо, противнику не удалось восстановить потери в самолетах и в людях. И я решил: вводить в бой резервы пока рано.

Начиная с 7 июля в воздухе над Центральным фронтом господствовала наша авиация.

В упорных кровопролитных боях над Курской дугой

советским летчикам удалось измотать, ослабить авиацию противника, обеспечить завоевание

господства в воздухе. Это послужило одной из важных предпосылок! полного краха немецкого наступления.

Размышляя о провале немецкого наступления, я уж тогда старался найти причины успеха войск нашего фронта. Среди них надо было отметить прежде всего высокий моральный дух советских воинов.

К битве на Центральном фронте летчики пришли с солидным боевым опытом, приобретенным в сталинградских сражениях. Вручая капитану Ивану Козичу Золотую Звезду Героя и орден Ленина, Михаил Иванович Калинин спросил: "Из какой вы части?"

Награжденный с гордостью ответил:

- Имею честь служить в 16-й воздушной армии, сражавшейся под Сталинградом!

Воины наших наземных частей уверенно действовали прежде всего потому, что их надежно прикрывали авиация и артиллерия. Как только орудия противника открывали огонь, на них налетали штурмовики - и неприятельская атака быстро захлебывалась. Лишь на отдельных участках фронта фашисты ценою огромных потерь продвинулись на 13-17 километров.

На Курской дуге я впервые по-настоящему узнал цену взаимодействия всех родов войск. Оборонительная операция на Центральном фронте завершилась блестящим успехом.

Действия авиаторов на этом этапе Курской битвы высоко оценили воины Сухопутных войск. После срыва наступления гитлеровцев мы получили из 13-й армии такое письмо: "Военный совет 13-й армии просит передать летному составу 16-й воздушной армии горячую благодарность наших наземных войск за активную поддержку в борьбе с врагом. Воины 13-й армии с любовью и теплотой отзываются об удачных ударах с воздуха своих братьев по оружию". Мы с большим удовлетворением зачитали этот отзыв, как и многие другие благодарственные письма, всему личному составу.

Сергей РУДЕНКО